

В другой книге встречаем такой диалог братьев: «Ты всю жизнь только тем и занимался, что меня топил... Я?!... Я? А сам-то! Ну и я! Друг дружку топил... всю жизнь! Не даром же Дорошевич (Дорошевич Влас Михайлович (1864—1922 гг.), известный русский писатель, очеркист, театральный критик. В до-революционной журналистике признавался «королем» фельетонов — В. С.) хлестнул в фельетоне про нас: два брата и оба — Каины...» (11). Остановимся. Странно, что потомки «забыли» об этом, подписывая письмо.

Приняв также во внимание множество листовок, афиш, заметок в газетах и т. п., которые выпускали братья, выяснявшие, кто же из них был «старшим», «первым», «настоящим», «единственным», можно допустить правомерность пассажа Л. Г. Печорина о том, что-де на похоронах брата В. Л. Дуров, скорбя об утрате, одновременно мог думать, «что он избавился, наконец, от конкурента». Есть тому и другие косвенные подтверждения.

Когда в 1925 году в журнале «Цирк» появился ряд статей (12), где первенство и приоритеты во многих отношениях отдавались Анатолию, Владимиру, не соглашаясь с таким мнением, прибегает к авторитету А. В. Луначарского. Трудно объяснить этот шаг. Особенно если учесть, что статья-ответ А. В. Луначарского «Настоящий Дуров» появилась лишь в следующем, 1926 году в книге наркома «О театре», так что она вряд ли была широко известна в цирковой среде. В статье говорилось, что в распоряжении А. В. Луначарского имеются «совершенно неопровержимые документы, подтверждающие, что история с Грессером, история с Зеленым, многочисленными высылками, столкновения с цензурой — все это было именно с В. Дуровым. А Дуров был в этом отношении гораздо беднее». (13). Таким образом, авторы статей в «Цирке» вместо самих неопровержимых документов должны были довольствоваться лишь констатацией факта об их существовании, что, естественно, точки в споре не могло повести.

В том же 1925 году В. Л. Дуров выпускает свою очередную книгу: «О сильных мира того», предисловие которой не оставляет сомнений о продолжающемся споре: «Дуров и его дубликаты». Вот, что там сказано: «Анатолий Дуров-младший был очень талантливым гимнастом, декламатором стихов и весьма посредственным дрессировщиком. (...) Его способ был кнут, б о л е в а я д р е с с и р о в к а, не требующая от дрессировщика ни терпения, ни наблюдательности, ни знания, ни заботы. Анатолий Дуров, умевший пошутить с публикой, никогда не был автором тех едких остроумных и смелых политических шуток, за которые приходилось часто жестоко расплачиваться их автору Владимиру. Наконец, Анатолий Дуров редко сам дрессировал своих животных, которых у него было немного, — он покупал их готовыми от дрессировщиков. И никогда не устраивал Анатолий Дуров лабораторий для изучения зоопсихологии. После него не осталось никаких литературных трудов, никаких научных открытий». (14)

Как видно из приведенного отрывка, и через десять лет после смерти одного из братьев соперничество не исчезло. По прихоти судьбы, укор Анатолию в том, что тот «редко сам дрессировал животных, а покупал их готовыми», через десятилетия бумерангом вернулся Владимиру в виде публикации записок Л. Г. Печорина. В этой связи приходится вновь лишь выразить недоумение, обращенное к уважаемому семейству Дуровых. Трудно поверить, что в архивах крупнейшего транснационального зоологического концерна, каким вошло в анналы цирка предприятие К. Гагенбека, не сохранилось документов о том, кем, когда и какие животные покупались и какова была степень их подготовленности. Чтобы у педантичных и пунктуальных немцев и не сохранилось? Маловероятно! Разве непонятно, что это едва ли не единственные документы, которые могут считаться прямым доказательством того, что же было на самом деле. Наследники этого пути не замечают. Или не хотят замечать?!

Отмечу еще два некорректных момента в книге Владимира Леонидовича. Первый — А. Л. Дурову принадлежат по крайней мере две книги (выходившие в 1893 и в 1914 годах), о чем, естественно, не мог не знать Владимир Леонидович. И второй. Он вытекает из признания самого Анатолия Леонидовича о методе его дрессировки: «Приглядитесь, как охотно исполняют они на арене цирка все свои номера. Это не загнанные, дрожащие от одного взгляда хозяина животные, а шаловливые ученики, наперебой старающиеся исполнить мое приказание. (...) В чем же секрет? Да в том, что я оставляю в труппе лишь наиболее восприимчивых животных и немедленно исключаю тупиц и лентяев, которые если и смогут чему-либо научиться, то только из-под кнута. (...) А кнут и палка — плохие пособия педагогики, даже и в собачьей школе» (15). И еще: «Итак, любовь к животным, внимательное наблюдение за их свойствами и привычками и изучение их пси-

хологии — лучшие и единственные руководители дрессировщика» (16).

Таким образом, один воссоздает образ другого, что называется, с точностью до наоборот.

Через два года близкий знавший В. Л. Дурова журналист И. А. Уразов в книге «Дуров» (о В. Л. Дурове — В. С.) почти цитатно повторяет предисловие к книге «О сильных мира того». Анализ последующей литературы о братьях Дуровых показывает, что на «литературном фронте» победу уверенно одерживал старший брат. А что же происходило на манеже и за ним?

«В сущности, последние выступления Владимира Дурова как клоуна-сатирика имели место в годы первой мировой войны (...) Владимир Дуров уже к концу второго года войны был вынужден прервать свои выступления. (...) Он увлекся лабораторными экспериментами над животными, стал разрабатывать различные проблемы зоопсихологии. (...) Его последние выступления представляли собой исполненный внутренних противоречий своеобразный слепок его долготелней клоунской и научной деятельности, своего рода конгломерат прожитых годов, интересов и увлечений и, строго говоря, лежали за пределами циркового зрелища». (17)

Чтобы не быть заподозренным в предвзятом подборе цитат, послушаем внука, ученика и ассистента Владимира Леонидовича — Ю. В. Дурова: «В последние годы жизни деда репертуар его публичных выступлений был до крайности пестрый и неравноценный. (...) Владимир Леонидович все дальше отходил от лучших традиций, в свое время созданных им и его братом». (18)

Вполне допускаю, что почетно быть награжденным международной медалью имени В. Л. Дурова за развитие традиций братьев Дуровых, к одной из особенностей которой уважаемые потомки отнесли почему-то «и преданность Отечеству до конца».

Если переиздать (а это надо сделать непременно) главный труд В. Л. Дурова «Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу (40-летний опыт)», то каждый сможет убедиться, что, во-первых, взгляды на способы дрессировки Анатолия и Владимира Дуровых существенно разнятся. А во-вторых, стало бы ясно, что при всех несомненных отдельных достоинствах, единство и целостность так называемого «дуровского метода», а тем более научное значение метода «дедушки Дурова» — не более чем сомнительная гипотеза, со временем превратившаяся в легенду.

Предвижу возражения оппонентов, которые готовы снова и снова перечислять громкие имена профессоров и академиков, сотрудничавших с В. Л. Дуровым. Вот и уважаемый профессор Ю. А. Дмитриев пишет, что академик Бехтерев «был даже председателем на юбилее В. Л. Дурова, это говорит само за себя». Это говорит только о добрых отношениях между академиком и артистом-экспериментатором! И больше, как мне кажется, ни о чем. Ученые-зоологи, сотрудничавшие с В. Л. Дуровым, приходили в неописываемый восторг от традиционной, если не сказать заурядной, собаки-математика. А это не дилетантам в цирке говорит о многом. Разве не ясно, что от признания необходимости исследований до получения положительных результатов в виде законченного учения, метода и т. п., пролегал расстойание, не всегда преодолимое.

После пространных описаний, наблюдений и опытов над животными В. Л. Дуров приходил к выводу: «Все вышеизложенное дает мне право с уверенностью сказать: да, животные имеют свой внутренний психологический мир!» (19) «Таков ли, — вопрошает В. Л. Дуров, — психический мир животных, как наш, или особый, другой? (...) А так как каждое физическое движение одновременно проявляется с психическим подобающим переживанием, то, бесспорно, мир внутренних переживаний животного во многом может казаться аналогичным с переживаниями человека». (20) Наряду с этим, автор отмечает, что «у животных есть еще и особые чувства, которых у человека совсем нет, а потому это нам неизвестно и составляет совершенно иной мир животных, неподдающийся сравнению с человеческим». (21)

В перспективе В. Л. Дуров мечтал о преобразовании «уголка» в институт Научной Дрессировки, в результате чего «практическое применение результатов научной дрессировки будет направлено и на другую пользу человека (наряду со зрелищно-просветительской — В. С.). Я беру на себя смелость утверждать, — продолжает В. Л. Дуров, — что только с помощью моих сложных эмоциональных рефлексов можно установить у различных животных такие действия, которые принесут пользу промышленным, культурным и военно-техническим заданиям». (22)

С деталями «практического применения результатов научной дрессировки» можно познакомиться по книгам В. Л. Дурова «Звери дедушки Дурова» (кн. I, II, Госиздат, Л., — М., 1924 г.) и «Пернатые артисты» (М.-Л., Госиздат, 1930 г.). В последней сказано, что В. Л. Дурову принадлежит «открытие т в о р ч е-

ства у животных» (...), так называемое преобразование инстинкта животных (например, кошка живет в дружбе с крысой, крыса — с мышью, волк — с козлом, лисица — с петухом и т. д.). (...) Владимиру Леонидовичу принадлежит целый ряд изобретений, облегчающих так называемое применение живой силы на пользу человека. Некоторые из этих применений могут сыграть в будущем немаленькую роль в войне: морские львы могут спасать утопающих, ловить рыбу, срезывать мины, стоящие на мертвых якорях, служить подводной почтой, взрывать корабли и т. п., орлы — снижать неприятельские аэропланы; собаки — уничтожать проволочные заграждения. Главным из своих научных успехов В. Л. Дуров считает открытие нового закона, благодаря которому человек может заставить животных по заранее определенному плану переживать по его воле всевозможные желания и чувства... (...) Все это достигается путем внушения». (23)

Но и этого мало. Кипучая фантазия артиста простирается дальше: «Мой метод дрессировки, — утверждал В. Л. Дуров, — т. е. искусственное установление эмоциональных рефлексов, я думаю, впоследствии будет иметь большое значение и в социальной жизни человека». (24) «Создать новую социальную культуру возможно лишь тогда, когда люди смогут «искусственно» и искусно управлять работой и деятельностью серой коры головного мозга и всей нервной системы, управляя так, как захотят, т. е. сумеют устанавливать, воспитывать нужные сложные эмоциональные рефлексы у людей, как это мне удается установить, воспитать и тормозить у животных». (25)

Из сегодняшнего далека такое читается не иначе, как наивная утопия. Следует поэтому подчеркнуть, что подобный образ мышления был типичным для людей того времени. Многие в их представлениях держалось на искренней вере в неограниченные возможности знания, науки, неведомые возможности человека. Мышление тех, кто был рожден, чтоб сказку сделать былью — это мышление людей, не признающих пределов для своих притязаний, убежденных, что они все могут — преодолеть пространство и простор, покорить природу и завоевать Вселенную.

Чем больше раздумываешь над судьбами братьев Дуровых, над тем, как причудливо преломилось время в этих судьбах, тем яснее понимаешь, как непросто и негладко складывалась их жизнь в цирке и вне его, какие страсти и стихии бушевали в сердцах этих талантливых артистов. И, как бы ни хотелось уважаемым наследникам, сквозь пудру и лак минувших десятилетий, сквозь нагромождение былей и небылиц, проступают отнюдь не иконописные лики святых. Дуровы были людьми своего времени, времени сложного и жестокого. Талант тем и отличается, что всегда трагичен по отношению к своему времени! Поэтому стоит ли упрощать, а тем более спрямлять, деформировать и лакировать судьбы таланта? Не значит ли это исказить время и неизбежно обманываться в признании исторической правды.

Движение в сторону демократии и правового государства сопровождается освобождением от иллюзорных абстракций и мифологизированных представлений, сковавших историю нашей страны. История цирка, как мне представляется, в этом отношении не является исключением. Хотя...

Если мы и дальше намерены считать, что историческая наука о цирке должна обслуживать амбиции и притязания именитых деятелей цирка, если мы и дальше настаиваем на том, что история советского цирка представляет собой неуклонное движение к вершинам совершенства, и если мы всерьез считаем, что это движение обошлось без топтаний на месте, движения вспять, обошлось без драм и трагедий, если по-прежнему настаиваем на том, что жесткая централизация руководства цирковым искусством приносила и приносит цирку одно лишь благо, если продолжаем настаивать на том, что непререкаемым арбитром в вопросах циркового искусства должно быть чье-то авторитарное мнение, то незачем воздух сотрясать. Тогда надо как можно скорее соглашаться с позицией тех, кто не может поступаться принципами командно-административного мышления и напрямую возвращаться в не столь уж далекое застойное прошлое.

Владимир СЕРГУНИН, кандидат искусствоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Из переписки Л. Н. Толстого с р. А. А. Толстой», СПб., изд. «Толстовский музей», 1911 г., стр. 93—94.
2. Дуров А. Л. «В жизни и на арене», Воронеж, 1914 г., с. 45.
3. Кораблинов В. А. «Браво, Дуров», Воронеж, 1980 г., с. 7.
4. Там же, с. 48.
5. Послесловие к кн. А. Л. Дурова «В жизни и на арене», с. 59.
6. Дуров А. Л. «В жизни и на арене», Воронеж, 1914 г., с. 82.
7. Там же, стр. 6.
8. Кузнецов Е. М. «Цирк», М., Искусство, 1971 г., с. 328.
9. Дуров А. Л. «Воспоминания и странички из дневника. 1863—1893», СПб, 1893 г., с. 65.
10. Дмитриев Ю. А. «Братья Дуровы», М.-Л., Искусство, 1945 г., с. 3.
11. Кораблинов В. А. «Браво, Дуров», Воронеж, 1980 г., с. 183.
12. Имеются в виду статьи: «Памяти Анатолия Дурова», «Клоуны», «Нового клоуна», опубликованные в ж. «Цирк» 1925 г. в №№ 2, 4, 5, за подписями: Старый циркач; Старый клоун; А. Лалиадо.
13. Луначарский А. В. «О массовых празднествах, эстраде, цирке», М., Искусство, 1981 г., с. 322.
14. Дуров В. Л. «О сильных мира того», 1925 г., с. 6—7.
15. Дуров А. Л. «В жизни и на арене», М., Искусство, 1984 г., с. 149.
16. Там же, с. 152.
17. Кузнецов Е. М. «Арена и люди советского цирка». Л.-М., Искусство, 1946 г., с. 61—62.
18. Сб. «Советский цирк», 1918—1938 гг., Л.-М., Искусство, 1938 г., с. 240.
19. Дуров В. Л. «Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу (40-летний опыт)». Новое в зоопсихологии», М., Универсальное издательство, 1924 г., с. 280.
20. Там же, с. 281.
21. Там же, с. 282.
22. Там же, с. 284—285.
23. Дуров В. Л. «Пернатые артисты (дрессированные птицы дедушки Дурова)», М.-Л., Госиздат, 1930 г., с. 7—8.
24. Дуров В. Л. «Психологические наблюдения...», с. 285.
25. Там же, с. 302.

* * *

На фотографии — Л. Г. Печорин, автор мемуаров о Дуровых (в центре). Уже этот снимок наводит на мысль о том, что Печорин был не «эпизодическим лицом, не имеющим никакой роли для искусства» (как было написано в письме Дуровых), а имел к цирку самое непосредственное отношение.

Мы приносим извинения за качество архивного снимка, хранящегося в Ленинградском музее циркового искусства.

* * *

246